
А.И. Кузнецова

Что сказал бы Шварц
о пунктуации
в селькупском языке?

Все друзья и знакомые, помяная в разговоре Бориса Самойловича Шварцкопфа, неофициально называли его просто Шварцем. И когда Борис умер, мне так и сказала Р.И. Розина: «Умер Шварц».

Жаль, что мысль о пунктуации в селькупском мне не приходила в голову, когда был жив идеолог российской пунктуации, часто и много рассказывавший об ее красотах, тонкостях и особенностях (обычно это происходило по телефону в ночное время: как филин и сова мы вели разговоры порой до двух-трех часов ночи).

На первый взгляд, говорить о селькупской пунктуации кажется абсурдным: ведь пунктуация – «феномен письменного языка», «функциональная система» [Шварцкопф 1988: 4]. Б.С. Шварцкопф писал, что «пунктуация выступает как средство графического “проявления” синтаксической (и тем самым смысловой) структуры текста и его основной синтаксической единицы – предложения» [Шварцкопф 2000: 225]. Если синтаксическая структура селькупского языка сильно отличается от таковой в русском языке, то, видимо, и пунктуация никоим образом не должна копировать русскую, что, к сожалению, не всегда соблюдается. Очевидно, что лингвисты и издатели должны были (коль скоро язык стал письменным и появились тексты на нем), с одной стороны, принять во внимание специфику селькупского синтаксиса с его полипредикативными конструкциями, с другой стороны, задуматься о способах членения на бумаге письменного (печатного) текста, учитывая, что в устном варианте при наличии такого синтаксиса имеются свои особенности в интонировании и паузировании речи. Это второе назначение пунктуационной сис-

темы, в свою очередь, «реализуется на основе противопоставления двух общих функций пунктуационных знаков» – разделительной и выделительной [Шварцкопф 2000: 224]. В свое время Л.В. Щерба подчеркивал бесплодность споров о том, на чем построена система русской пунктуации – на грамматике или на интонации [Щерба 1983: 123]. Для разговорной речи, безусловно, надо учитывать эти оба взаимосвязанных факта. Но в то время, когда Щерба писал о бесплодности споров на данную тему, еще не ставилась задача исследовать синтаксис устной разговорной речи, отличный от синтаксиса литературного языка и даже от устной литературной речи. Становление литературного языка у многих народов охватывает столетия. О литературном селькупском языке говорить пока не приходится, но существует письменный вариант разговорной речи, для которого и следует устанавливать правила орфографии и пунктуации. Не писать же все подряд, без пробелов, как это делали писцы на Руси в древности! Создатели селькупской письменности (а попыток составить ее было пять: две – для южных и три – для северных!), не колеблясь, калькировали в наиболее простых случаях русскую пунктуацию. Под «простыми» случаями понимается прежде всего потребность разграничить на письме простые двусоставные предложения, которые составляют едва ли не большинство в ныне существующих селькупских текстах (на самом деле лишь на первый взгляд они кажутся простыми, о чем будет сказано дальше).

Этнический язык селькупов в настоящее время проходит стадию оппозиции «письменность»–«устность», в то время как для русского языка (и огромного количества других языков, имеющих богатую литературу) это давным-давно пройденный этап (см.: [Нещименко 1999]). В русском языке уже со второй половины XIX в. начала формироваться устная разновидность литературного языка, что постепенно привело к возникновению вместо единого письменного языка двух его вариантов – письменного и устного, последний из которых существует наряду с устным разговорным (нелитературным) языком. Возник языковой континуум коммуникативных средств: помимо устного литературного общения, во время которого применяется самоконтроль, автоцензура, в русском языке существует непринужденное, почти не контролируемое языковое общение, называемое разговорным языком с относительно небольшим словарным запасом. У народов, не имевших до недавнего времени письменности, функцию «устного

литературного» языка в противоположность языку профанному, который эквивалентен разговорному языку, в какой-то мере выполнял сакральный язык, богатый различными клише и эвфемизмами на месте табуированных слов и выражений (таков, например, язык шаманских песнопений или язык песен на медвежьих игрищах обско-угорских и некоторых других народов).

Реальная устная речь (будь то русская или селькупская) значительно отличается от письменной. Но не менее значительны различия между устно-литературной речью (там, где она существует, как в русском языке) и устно-разговорной (имеющейся и в русском, и в селькупском языках). Зато между устно-разговорными вариантами русской и селькупской речи с определенной точки зрения наблюдается большое сходство. Связано это прежде всего с тем, что устная речь в отличие от письменной сильно зависит от факторов социальных и психологических. Именно с позиции социо- и психолингвистики можно объяснить многочисленные сходства и сравнительно незначительные различия коммуникативного характера в русской и селькупской спонтанной речи, установить факторы, влияющие на построение связного текста в устно-разговорной речи, учитывая социальный статус, образовательный ценз, возраст участников речевого общения, анализируя процесс речепорождения со всеми проявлениями речевых колебаний (хезитации, по психологической терминологии), которые воздействуют на структуру речевого потока. Для связных текстов в спонтанной речи как русских, так и селькупов характерны смысловые лакуны и пропуски слов, что легко происходит в результате опережения слова мыслью. Отставание слова от мысли ведет к появлению в речи пауз или их невербальных заменителей; возникают грамматические сбои и самоисправления; плеоназм (избыточность выражения); эхолоалия (повторы слов и их сегментов). Не менее типично для обоих языков в их разговорном варианте наличие дискурсивных элементов как засоряющих речь, так и выполняющих структурирующие функции, например функцию переключения на другую тему, оживления угасающего внимания к повествованию и т. п. [Кузнецова 2001: 132–140].

Устная речь, как отмечал в свое время А.М. Пешковский, имеет глагольный характер, в отличие от письменной речи с ее «гипертрофией существительных», по выражению Г.О. Винокура. Принимая тезис А.А. Потебни о способности глагола создавать «синтаксическую» перспективу, А.М. Пешковский провозгласил

лозунг: «Назад к глагольности!» [Пешковский 1959: 111]. Селькупский язык в своем устном варианте также тяготеет к глагольности. Это становится очевидным при анализе специфичных синтаксических моделей устно-разговорной речи обоих языков.

В устно-разговорной речи современного русского языка широко встречаются глагольные сочетания, образующие сложное целое¹, как например: *Зинка... плачет приходит; вчера вся вспотела пришла; У меня была личная карточка, ну мне просто ее не вернули взяли* [Лаптева 2000: 16]. Ср. аналогичные примеры и глагольные сочетания других типов: *сидит пьет, стоит курит и пьет сидит, курит стоит; думал придет; никуда я плохо себя чувствую не пойду; подай лежат на стуле носки!* и др.

О чем говорят данные примеры, что за ними скрывается?

Как уже указывалось, устная разговорная речь имеет явно выраженный глагольный характер. Глагольность устно-разговорной речи проявляется, в частности, в неосознанном стремлении говорящих строить фразы, в которых один глагол или одно существительное могут быть расщеплены на две потенциальные фразы за счет дублирования одного глагола другим [Там же: 15–16]. Именно такие случаи возможного соединения в одной фразе двух, очень частые в русском разговорном языке, напоминают некоторые особенности синтаксиса в уральских языках, в том числе в разговорном селькупском. Можно иначе перефразировать сказанное О.А. Лаптевой: одно предложение интонационно сливается с другим, а на письме этот факт отмечается отсутствием запятой. Место таких конструкций в предложении, как и порядок слов в самих конструкциях, не определены, и далеко не все глаголы способны участвовать в подобных сочетаниях (их круг не выявлен пока ни для одного языка, хотя попытки такого рода делаются [Майсак 2002]).

В своей статье «Простое или сложное предложение?» О.А. Лаптева приводит девять типичных, с ее точки зрения, случаев, когда в устно-разговорной русской речи происходит удвоение глагола – появление еще одного глагола в качестве «строеного элемента» в дополнение к имеющемуся [Лаптева 2000: 16–17]. Почти все приведенные в статье примеры, отражающие особенности «грамматики говорящего» и строение устного дискурса, легко объяснимы с позиций психолингвиста, но плохо укладываются в существующие правила построения устной (и тем более письменной) литературной речи. Не случайно все чаще говорят о необходимос-

ти создать теорию разговорного синтаксиса, и сделать это для русского языка можно, учитывая русский синтаксис в динамике (в том числе принимая в расчет теорию С.И. Карцевского о бессоюзии и об открытых и закрытых структурах в древнерусском языке).

Проблему специфики моделей разговорного синтаксиса одновременно полезно рассмотреть и с типологической точки зрения, в частности – в сравнении с существующими моделями финно-угорских и тюркских языков, в которых широко представлены полипредикативные конструкции разных типов (имевшиеся, кстати, и в древнерусском языке).

В урало-алтайских языках встречаются составные глаголы различного вида (иначе их называют сложными спаренными или сложными спаянными; последний термин встречается у Шутова [Шутов 2001, 2002]). Они образуются, например, из сочетания деепричастия и глагола, который постепенно теряет собственное лексическое значение, превращаясь во вспомогательный глагол. Все сочетание принимает значение деепричастия, как в марийском языке: *тунем илаш* «учиться» (букв. 'учась жить') и др. Подобные конструкции являются смысловыми аналогами придаточных предложений, в которых наряду с основным глаголом-предикатом можно выделить зависимый предикат, выраженный деепричастием. Интонационно потенциально возможное предложение с зависимым предикатом сливается с главным, чему должно соответствовать отсутствие запятой. Однако во многих тюркских языках в подобных сочетаниях лингвисты-теоретики и практики, занимающиеся орфографией, ставили (по аналогии с правилами русского литературного языка) после деепричастия запятую, что вызывало, в свою очередь, немало возражений. В статьях, где затрагивались вопросы пунктуации, нередко указывалось, что она плохо разработана, что знаки препинания ставятся без надобности после деепричастий, причастных оборотов и частиц как результат калькирования правил пунктуации в русском языке. Высказывались сомнения относительно того, нужны ли кавычки для выделения прямой речи, которую трудно отделить от косвенной, и т. д. [Орфография 1973: 61–62; 76; 204]².

Обсуждались вопросы пунктуации и в связи с употреблением союзов. Роль союзов может меняться не только в тюркских, но и в финно-угорских языках. В статье М. Лейнонен и В.М. Лудыковой «Конечное слово *да* в коми языке с ареально-типологической точки зрения» [Лейнонен, Лудыкова 2001] приводятся много-

численные примеры из разных финно-угорских языков, свидетельствующие о взаимозаменяемости союзов, выполняющих разные функции в предложении (сочинения, подчинения; времени, причины, условия, обоснования, усиления, нанизывания и др.), и омонимичных им частиц. Так, в удмуртском, марийских и коми языках союз *да* (заимствованный из русского), как и частица *да*, может употребляться в конце предложения. По словам Лейнонен и Лудыковой [Там же: 157], «интонационный контур в предложениях с союзом *да* указывает на его конечное положение: после него в речи следует пауза» (без обращения к устно-разговорной речи проблема оказывается нерешаемой). Интересно, что, по свидетельству М.Н. Преображенской [Преображенская 1991], в старых русских текстах (в отличие, впрочем, от современной устно-разговорной речи) никогда не встречались конечные частицы и союзы. В уральских языках вместо сочинительного союза можно легко представить себе и подчинительный союз со значением «потому что», и частицу, означающую «ведь». Как пишет Л.П. Васикова, «по правилам современной марийской пунктуации в сложносочиненном предложении с союзом *да* запятая ставится перед союзом *да*. Постановка запятой перед союзом – это установка на русскую пунктуацию» [Васикова 1982: 105]. Очевидно, для уральских языков, как и для тюркских, назрела необходимость пересмотреть правила пунктуации, что в последние десятилетия лингвисты и пытаются делать для некоторых уральских и тюркских языков³. Столь же очевидно, что первично при составлении правил пунктуации (по крайней мере для младописьменных и бесписьменных языков) разработчики должны ориентироваться на устно-разговорную речь, учитывая особенности интонации, паузирования и синтаксиса, типичные для родного языка.

Уже отмечалось, что соединительная интонация при отсутствии пауз свойственна устно-разговорному русскому языку в случае смысловых удвоений самих глаголов, вроде русского *не вернули взяли* = *взяли не вернули*, или в процессе десемантизации одного из двух глаголов в сочетании этих глаголов, вроде *сидит работает* = *работает сидит*. В уральских языках наблюдается та же картина в произнесении составных глаголов типа марийского сочетания *тунем влаш*, полипредикативных конструкций (оборотов с зависимой предикацией), которые встречаются и в селькупском языке, а также при употреблении парных слов (в том числе и среди глаголов), характерных для многих финно-угорских язы-

ков и возникших, видимо, в разговорной речи при утрате значения одним из глаголов.

При аккуратной транскрипции различных рассказов, сказок хороший лингвист-полевик обычно фиксирует паузы. Их отсутствие свидетельствует о монотонном перечислении кого/чего-либо при наличии соединительной интонации, что характерно для естественной разговорной речи, как, например, в назывных предложениях, типичных для зачина селькупских сказок, записанных в свое время у северных туруханских селькупов Л.А. Варковицкой: *Tätury aj okkyr timñaty* «Шаман и один брат-его»; *Okkyr mštyr kiñcity koldytemy* «Один богатырь запор-его Енисея протока» (запором называется плетень для ловли рыбы, перегораживающий речку). Подобное произнесение начала сказок возможно и при наличии двусоставных предложений: *Okkyr ira ilympyña imakotaty okkyr wərq ijat* «Один старик жил старуха-его один большой сын-их»; *Iraqota ila okkyr ijaty okkyr näläty* «Старик жил один сын-его одна дочь-его». Однако в таких случаях вряд ли стоит ориентироваться на отсутствие пауз при обсуждении правил пунктуации для письменного текста (в приведенных примерах – запятых, которые следует проставлять), тем более что встречаются аналогичные фразы и с четко выраженными паузами: *šitty timñasyqäqy. Okkyr qällyl' mštyr. šitty näläqyt* «Два брата. Один ненецкий богатырь. Две девки-его».

При перечислении каких-то действий и при отсутствии союзов возникает типичная для селькупских сказочников «рубленая» речь. Она требует иной пунктуации, нежели нормированная письменная речь. В данном случае не имеет смысла ставить запятую или точку с запятой, а для передачи возникающего от такой «рубленой» прозы впечатления отрывистости лучше всего подходит точка: *Qənna. Cesynty tüñä. Ätä qonyty to ütyty. Moqynä qənna. Mštynty tüñä.* «Пошел. К силку пришел. Оленя нашел выпустил. Назад пошел. В чум пришел». Учитывая устность нарратива, на письме допустимо без всякого знака препинания употреблять подряд и без паузы два глагола, управляющих одним прямым дополнением (*оленя нашел выпустил* = *оленя нашел* + *оленя выпустил*). Следует напомнить, что речь идет не о создании литературного письменного языка, а о фиксации на письме разговорного языка, живущего по собственным законам, то есть о создании письменного варианта разговорного языка, каковым можно считать печатный текст сказки, рассказа на бытовые темы и т. п. Спе-

цифические черты устно-разговорной селькупской речи должны получить закрепление на письме независимо от того, возникнет или нет в будущем письменный литературный язык у селькупов. Отсюда и знаки препинания должны выполнять функцию не насильственного помещения языка в прокрустово ложе пунктуационной системы другого языка, а представления реально существующего произнесения слов со всеми особенностями их выделения в потоке речи. Можно отметить некоторые характерные приметы письменного варианта разговорной селькупской речи, прокомментировав следующий небольшой текст сказки о Паяколусе, записанный Л.А. Варковицкой на Баихе (1941), в котором расставлены предлагаемые знаки препинания:

1. Nyny Pajakolusa: «Il'ca, me oranentymyt». 2. Nyny Pajakolusa kätty: «Il'ca, pærkop tamenta! Orqylty! Näqylty! Nytyläty!». 3. Losy orqylnyt. 4. Nytyl'el'city. 5. Nyny: «Il'ca, yntäl'my tamenta! Qättäty!». 6. Qättty Losy. 7. Ola kəsa ranymötta. 8. Qättty. 9. Pajakolusa kätty: «Il'ca, pærkop atyl'ät!». – 1. Потом Паяколуса: «Дедушка, мы силу попробуем (давай)». 2. Потом Паяколуса сказал: «Дедушка, вот живот-мой (букв.: живот-мой вот есть). Схвати! Потяни! Разорви!». 3. Черт схватил. 4. Разорвал. 5. Потом: «Дедушка, нос-мой вот есть. Ударь!». 6. Ударил черт. 7. Будто железо загремело. 8. Ударил. 9. Паяколуса сказал: «Дедушка, живот-твой покажи!»

Обращает на себя внимание отсутствие перед прямой речью соответствующего глагола, вводящего ее (1); вместо него в сказках часто может стоять глагол *esa* «был, стал» или *пупу* «потом», как в 5. Фразы 6 и 7 не образуют сложноподчиненного предложения. Частица *ola / olä* имеет уступительно-ограничительное значение «лишь, только», легко совмещающая в себе функцию сравнения (Варковицкая переводит как «будто»). Анализ текстов объемом в 1670 предложений показал, что однословные и двухсловные предложения составляют более 50% (20% – с одним словом, 33,6% – с двумя), что придает тексту ощущение спрессованности [Кузнецова 1999: 96].

Селькупскому языку присущи типичные для финно-угорских языков составные глаголы, представляющие сочетания 'деепричастие + глагол' (возможен обратный порядок слов 'глагол + деепричастие'): *Nätäk älpäls qällä nylleja* «Девушка немного в сторону отойдя встала» (немного в сторону отошла и встала). Примеры такого типа напоминают древнерусское второстепенное сказу-

емое). Фразы *Ētäintysä qänny maconty koralä* «Со своими оленями отправился в лес охотясь»; *Mat qəntak poqqylä* «Я пойду неводя=сетью рыбачить» и другие могут быть истолкованы как предложения, в которых второстепенное сказуемое обозначает зависимое действие в составе осложненного предложения, выступая предтечей сложноподчиненных предложений (~ «я пойду, чтобы рыбачить»). В этих случаях ставить запятые не следует.

В зависимой части простого осложненного предложения в качестве полипредикативных конструкций выступают имена действия, также не требующие постановки знаков препинания: *Qättty torqy kol'altuptäqäk aj picyn oly polysap* «При обходе-моем развалин города еще топор я проглотил (букв. 'развалин города в обходе-моем еще топора голову проглотил-я)». На русский язык предложения такого типа обычно переводятся придаточными времени ('когда я обходил'= во время моего обхода).

Во многом знаки препинания для разных языков неминуемо могут и будут совпадать. Первоначальная расстановка их – дело условное, особенно для письменных вариантов языков, не имеющих длительной литературной традиции и фактически являющихся письменными вариантами разговорных языков. В таких случаях знаки пунктуации в значительной степени зависят от интонации и пауз устно-разговорной речи. Наоборот, при наличии литературных языков с устоявшейся орфографией и пунктуацией устный вариант литературного языка (его «устность») зависит от норм письменного языка, часто диктуется ими. При составлении правил пунктуации для письменного языка, эквивалентного разговорному, важно учитывать специфику грамматического строя языка и не вступать в противоречие с его нормами.

Примечания

¹ В 1914 г. А.М. Пешковский выделил в языке и сопоставил два типа словосочетаний, которые он назвал 'слитным предложением' и 'сложным целым'. Для 'слитного предложения' характерно «не только присутствие союзов, но и ритм и интонация» [Пешковский 1956: 443], как в примере *червонец был запачкан и в пыли*, где существуют два ударения, равных по силе, на однородных членах (в неслитном предложении *червонец был запачкан пылью* имеется одно сильное ударение на слове *пылью*). В отличие от слитных предложений в 'сложном целом' имеется своя ин-

тонация и свой ритм, замещающие союз: *червонец был запачкан, в пыли*. Здесь пауза на месте союза «подчиняла оба члена одному и тому же третьему и тем делала их однородными, а все предложение – слитным, тогда как то же предложение без паузы (*червонец был запачкан в пыли*) было неслитным» [Там же: 456]. В приведенных из статьи О.А. Лаптевой примерах в 'сложное целое' объединены разные части речи. Несколько иная картина возникает, если подобное 'сложное целое' состоит из глагольных сочетаний типа приведенного А.М. Пешковским примера из Тургенева: *...капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям*. Наличие запятой в примере, взятом из художественной литературы, указывает на наличие здесь паузы. Но в разговорной речи, а также в устной литературной в подобных случаях пауза не обязательна.

² Для многих языков (в частности, для каракалпакского) отмечалось, что «правила не исходят из природы синтаксиса каракалпакского языка, а представляют механическое перенесение норм пунктуации русского, казахского и узбекского языков» [Насыров 1973: 129–130]. В статье И.А. Андреева «Орфография чувашского языка» указывалось, что «не всегда нужна запятая при деепричастии (только если есть обособление)»; что «пауза и интонация подсказываются уже самим наличием того или иного союза» и «есть правила, по которым иногда запятая ставится до, иногда – после союза» [Андреев 1973: 283–284]. Последнее можно объяснить различиями в функциях союза, иногда превращающегося фактически в частицу.

³ В алтайском языке рекомендуется ставить запятую после союза *dep*, если придаточное предложение находится перед главным или внутри него. По мнению В.Н. Тадыкина и А.Т. Тыбыковой, «в таких конструкциях части сложного предложения выступают тесно спаянными» и «обе части сложного предложения имеют общее подлежащее» [Тадыкин, Тыбыкова 1981: 114–115].

Литература

- Андреев И.А. Орфография чувашского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. М., 1973.
- Васикова Л.П. Сложные предложения в современном марийском литературном языке. 1: Структурные схемы предложений; сложносочиненные предложения. Йошкар-Ола, 1982.
- Кузнецова А.И. Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М., 1999.

- Кузнецова А.И. Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примере типологически разных языков – русского и селькупского) // Тр. Международ. семинара Диалог' 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. 2001. Т. 1. Теоретические проблемы. Аксаково, 2001.
- Лаптева О.А. Простое или сложное предложение? (Глагол и глагольность в устно-разговорной синтаксической модели) // Сложное предложение: традиционные вопросы и новые аспекты его изучения. М., 2000. Вып. 1.
- Лейнонен М., Лудыкова В.М. Конечное слово *да* в коми языке с ареально-типологической точки зрения // Journal de la Société Finno-Ougrienne 89. Helsinki, 2001.
- Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2002.
- Насыров Д.С. Орфография каракалпакского языка // Орфография тюркских литературных языков. М., 1973.
- Нецименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). München, 1999.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Пешковский А.М. Глагольность как выразительное средство // Избранные труды. М., 1959.
- Преображенская М.Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчиненное предложение). М., 1991.
- Тадыкин В.Н., Тыбыкова А.Т. Орфография и пунктуация алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981.
- Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.
- Шварцкопф Б.С. Русская пунктуационная система и членение сложного предложения // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и новые аспекты его изучения. М., 2000. Вып. 1.
- Шутов А.Ф. К вопросу о синтетических и спаянных сложных предложениях // Вордском кыл. Ижевск, 2001.
- Шутов А.Ф. О сложноспаянных предложениях (на материале удмуртского языка) // Научные издания московского Венгерского колледжа. Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. М., 2002. Вып. II/1.
- Щерба Л.В. Теория русского письма. Л., 1983.